

НАСЕЛЕНИЕ ЮГО-ЗАПАДА РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 года (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статті на прикладі однієї з губерній тодішньої Російської імперії розглянуто участь жителів південно-західних областей країни у Вітчизняній війні 1812 р., їх становище під час цього конфлікту. Висвітлено різноманітні способи надання допомоги учасникам та жертвам війни. Проаналізовано значення Курської губернії для комплектації Російської армії. Значну увагу приділено участі курян у бойових діях, їх ратному подвигу та звитязі.

Ключові слова: Вітчизняна війна 1812 р., Курська губернія, куряни, рекрутські набори, забезпечення армії, приватна благодійність.

В статье на примере одной из губерний тогдашней Российской империи рассмотрено участие жителей юго-западных областей страны в Отечественной войне 1812 г., их положение во время этого конфликта. Освещены различные способы оказания помощи участникам и жертвам войны. Проанализировано значения Курской губернии для комплектации Российской армии. Значительное внимание уделено участию курян в боевых действиях, их ратному подвигу и доблести.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Курская губерния, куряне, рекрутские наборы, обеспечение армии, частная благотворительность.

In this article an example of one of the provinces of the Russian empire considered resident participation southwestern regions of the country in the War of 1812, their position during this conflict. Covers the different ways of helping to participants and victims of war. Analyzed values of Kursk province for a complete set the Russian army. Considerable attention is given to the participation of kuryane in the fighting, their feats of arms and valor.

Keywords: War of 1812, Kursk Province, kuryane, conscription, providing Army, private charity.

Тема военного подвига и народного самопожертвования в период борьбы с наполеоновским нашествием на протяжении вот уже двух столетий вызывает живой исследовательский интерес. Отсутствие в региональных архивах достаточного числа источников, необходимых для углубленного изучения темы участия местного населения в событиях военной истории начала XIX века, затрудняет работу историка. Вместе с тем, наличие краеведческих публикаций и возможность обращения к документальным материалам, хранящимся в федеральных архивах, позволяет уточнить и конкретизировать различные аспекты участия курян в защите Отечества.

Наиболее ранней, ставшей на сегодняшний день библиографической редкостью, является публикация в 9-й части журнала «Отечественные записки» за 1822 г. очерка курянина по происхождению Н.А. Полевого «Воспоминания о происшестввах, бывших в Курске в 1812 году». Автор «Истории Русского народа» и многих литературных произведений, журналист, критик, издатель «Московского Телеграфа», Николай Полевой был современником описываемых событий. С 1813 по 1820 гг. он жил в Курске, был лично знаком с одним из героев повествования Н.И. Сибилевым.

Именно этот почтенный старец в течение сентября–октября 1812 г. дважды с риском для жизни отправлялся по поручению курян в штаб русской армии для получения информации о положении на театре военных действий из первых рук. Земляки не случайно отправляли с особым поручением к Главнокомандующему Никиту Ивановича — старый воин был сослуживцем М.И. Кутузова еще с конца XVIII века¹. Николай Полевой приводит в своем очерке и содержание писем, переданных М.И. Кутузовым курянам и адресованных на имя городского головы В.А. Гладкова².

В 1822 г. в «Отечественных записках» был опубликован еще один источник, отражающий настроение патриотического подъема, имевшего место на курской земле в условиях военного времени. Новооскольский предводитель дворянства Ф.М. Раевский (отец героя войны и «первого декабриста») написал в редакцию о благородном почине курского помещика П.А. Денисьева, который заняв должность Рьльского предводителя дворянства, обнаружил в уезде много дворян, которые из-за тяжелого материального положения не могли дать должного воспитания своим детям.

Петр Алексеевич отобрал десять ребят, поселил их в отдельном доме, нанял за свой счет учителя, а в воспитатели приставил отставного вахмистра. С 1811 г. подростки переселились в курский дом Денисьевых, стали посещать гимназию. Некоторые, «по изучении российской грамоты», поступили в дворянский полк и в «различные службы». «В 1813 году, в незабвенную память 1812 года, дабы воспитывающиеся им дворяне одушевлялись славой соотичей своих, по вступлении на военное поприще следовали примеру их, внес он в Приказ общественного призрения, тем, кои в науках и благонравии себя отличат, 10 человек, двенадцать тысяч рублей, то есть каждому по 1200 руб.»³. Капиталом необходимо было распорядиться таким образом, что по окончании гимназии отличившимся выдавалась сумма в 200 руб. для проезда до полка и на прочие расходы, затем — по 120 руб. ежегодно до получения офицерского звания, после чего на экипировку выделялось 500 руб. Выплата стипендий могла продолжаться и далее, пока не расходовалась вся причитающаяся сумма с процентами. Можно предположить, что подопечные П.А. Денисьева честно выполнили свой долг перед Отечеством.

В 80–90-е гг. XIX века к теме участия земляков в Отечественной войне 1812 года неоднократно обращался известный курский педагог, краевед и общественный деятель А.А. Танков, чьи публикации регулярно появлялись на страницах «Курских губернских ведомостей». В 1912 г. «Курский сборник»

опубликовал его статью «Год священной памяти»⁴. В указанном материале, по словам самого автора, он постарался «не повторяя сообщенных уже в печати фактов, передать несколько новых, извлеченных из архивных источников сведений по истории Курского края, всецело относящихся к Отечественной войне и имеющих интерес, в особенности в виду исполнившегося столетнего юбилея со времени Двенадцатого Года»⁵.

Поскольку курский край в период наполеоновского нашествия оказался тыловым, основной формой участия курян в военных событиях, стало оказание материальной помощи действующей армии, а также служба уроженцев губернии в ее рядах. По сведениям А.А. Танкова, курское дворянство делало значительные пожертвования «на устройство, поддержку и содействие народному ополчению, призванному в помощь Русским армиям».

Пожертвования курских дворян на нужды армии и ополчения производились через архиепископа Курского Феокиста, который пользовался уважением дворянства и вел переписку со многими высокопоставленными лицами. В ноябре 1812 г. обер-прокурор Святейшего Синода князь А.Н. Голицын прислал архиепископу Феокисту письмо, в котором просил пригласить к пожертвованиям представителей дворянского и купеческого сословий. Сделав со своей стороны крупные денежные пожертвования, архиепископ Феокист отправил письма помещикам управляемой им епархии, имеющим достаточные средства и отличающимся стремлением к благотворительности. В них он призывал дворян проявить чувство патриотизма. Например, в архиве Курской духовной консистории сохранялось послание обоянскому помещику генерал-майору П.В. Ильинскому: «Вы когда-то изволили сказать мне о намерении Вашем построить при Обоянском мужском монастыре богадельню. Теперь открывается благопристойнейший случай и возможность к изъявлению благотворений Ваших в пользу бедствующих соотчичей, проливавших кровь свою за спасение Православной России. На сей важный, душеспасительный предмет пожертвуйте, благодетель мой!»⁶.

Курские дворяне, к которым обращался архиепископ, прислали пожертвования. Так, Белгородский помещик Хорват направил 500 руб., львовский помещик Л.А. Изъединов прислал 500 руб. с выражением «сыновних своих чувств», путивльский помещик Черепов прислал 1000 руб. Из Харькова помещицей Харьковской губернии, владевшей поместьями и в Грайворонском узде Курской губернии, Донец-Захаржевской было прислано 500 рублей. Из Курска дворянин Переверзев препроводил 250 руб. с письмом, отражающим настроения местного дворянства: «В настоящее время, видя многих из знакомых моих и незнакомых дворян и других сословий соотечественников, подвергшихся несчастной участи, сопряженной с защитой Отечества, я облегчал с удовольствием сердца по силам моим, угнетающую их бедность, давая одним деньги, другим одеяние, а некоторым пристанище...»⁷.

Многие курские дворяне жертвовали денежные суммы, как это следует из архивных документов духовной консистории, своему приходскому духовенству, вместе с купечеством и представителями других сословий. Главные благо-

чинные Курской губернии уведомляли архиепископа о том, что в их благочестиях все сословия участвовали в общей патриотической подписке. Например, в Белгороде в течение двух месяцев после начала подписки было пожертвовано 713 рублей.

11 октября 1912 г., в дни празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года, на торжественном заседании Курской губернской ученой архивной комиссии Н.И. Златоверхников выступил с докладом «Краткий обзор некоторых, сохранившихся в Курской губернии, письменных и вещественных памятников Отечественной войны 1812 года». Автор впервые дал подробную характеристику сохранившихся на тот момент источников. Среди документов, хранившихся в архиве Курского губернского правления, заслуживают внимания, например, дело «По Высочайшему Его Императорского Величества Манифесту, присланному при Указе Правительствующего Сената, о сборе внутри государства новых сил». Указ Правительствующего Сената от 10 июля 1812 года, а также Высочайший Манифест от 6 июля того же года был разослан гражданским губернатором А.И. Нелидовым губернскому предводителю дворянства, думам, ратушам, городским головам, полиции, городничим, исправникам и земским судам.

В ответ на это от названных должностных лиц и учреждений поступили сообщения, свидетельствующие о полной готовности всех сословий жертвовать личные силы и средства для защиты отечества. В том же деле имелись указ Святейшего Синода на имя архиепископа Феокиста и его сообщение губернатору о предпринятых епархиальным начальством действиях по выполнению Высочайшего Манифеста.

Ряд архивных дел за 1812 год содержал сведения о местных пожертвованиях на нужды войны деньгами, припасами, оружием, а также о назначении ратников в ополчение от разных сословий. К той же категории дел относились решения сельских обществ Курской губернии о количестве пеших и конных людей, поставляемых в ополчение, о средствах на их содержание, пожертвованных деньгами и припасами.

Из немногих документов, сохранившихся в фондах Государственного архива Курской области, необходимо отметить упомянутое Н.И. Златоверхниковым дело «По Указу Правительствующего Сената о сборе со ста душ по два рекрута 83 набора»⁸. 14 августа 1812 г. с нарочным курьером в Курском губернском правлении из Правительствующего Сената был получен Указ № 19961 от 6 августа с приложением Высочайшего Манифеста «О сборе с удельных и казенных крестьян повсеместно, а с помещичьих со всех тех губерний, где не назначено ополчения со ста душ 6-й ревизии по два рекрута». В предписании губернского правления от 15 августа, отпечатанном типографским способом, содержались указания городничим в городах опубликовать, а нижним земским судам немедленно разослать по всем селениям с целью обнародования экземпляры Указа: помещикам, управляющим именьями, приказчикам и старостам, волостным головам и прочим сельским начальникам. После обнародования (под расписку) Указа о наборе рекрутов, каждый помещик или

его поверенный должны были незамедлительно явиться в окружной город к дворянскому предводителю для составления раскладочного списка. От уездных предводителей дворянства требовалось взять под личный контроль составление списков лиц, подлежащих набору, завершив указанную работу к 28 августа 1812 г.

Курский губернатор А.И. Нелидов 16 августа направил письменное уведомление в Правительствующий Сенат о получении одного экземпляра Манифеста⁹. В тот же день городским и земским исправникам во все уезды губернии был направлен ордер, в котором содержались дополнительные требования по организации рекрутского набора. Губернатор требовал учесть ошибки, допущенные в период организации предыдущего набора, имевшего следствием значительное количество жалоб населения на неправильное решение вопроса о зачислении в рекруты¹⁰.

29 августа 1812 г. из Департамента исполнения Министерства полиции Курскому гражданскому губернатору было направлено циркулярное предписание главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова о доставлении ведомостей по объявленному рекрутскому набору. Губернатор А.И. Нелидов запросил требуемую информацию в Курском рекрутском присутствии, откуда 1 октября была направлена запрашиваемая ведомость. С помещичьих крестьян и малороссиян предполагалось набрать 5355 рекрутов; с людей казенного ведомства, т.е. однодворцев, их крестьян и малороссиян, удельных и экономических крестьян, ямщиков и цыган — 6857 чел., с мещан — 275 чел., всего же куряне должны были выставить 12 487 рекрутов¹¹.

12 сентября 1812 г. из Инспекторского департамента Военного министерства было направлено предписание главы этого ведомства с приложением расписания, согласно которому из Курской губернии 6000 рекрутов требовалось отправить в Рязань, 4042 чел. — во Владимир и еще 3018 новобранцев — в Тулу. Курян предполагалось использовать для формирования и пополнения пехотных полков, учебных команд и внутренних батальонов¹². Но уже спустя месяц, из канцелярии Военного министерства поступило новое указание: собранных в Курской губернии рекрутов (по правительственному наряду — 13 060 чел.) отправить в город Арзамас Нижегородской губернии.

Как следует из рапорта командира Курского внутреннего гарнизонного батальона подполковника Мандрикина, к 11 октября 1812 г. в Курске было собрано 5650 рекрутов. На 16 октября была готова к отправке в Арзамас первая рекрутская партия в количестве 320 человек. Всего предполагалось сформировать около 40 партий, для сопровождения которых необходимо было сформировать конвойные команды, назначить старших офицеров. Личного состава внутреннего батальона для решения этой задачи не хватало, поэтому для конвоирования рекрутских команд привлекались местные обыватели¹³.

В связи с возникшими затруднениями в реализации намеченных мероприятий и с целью скорейшего завершения объявленного рекрутского набора, император Александр I дал указание управляющему Военным Министерством генерал-лейтенанту князю А.И. Горчакову об отклонении от общих правил его

организации. Во-первых, предельный возраст мобилизуемых увеличивался до 40 лет. Во-вторых, минимальный рост сокращался до двух аршин и двух вершков. В-третьих, набору подлежали лица, имеющие «такого рода телесные недостатки, кои не могут служить препятствием маршировать, носить амуницию и владеть оружием». Военному ведомству повелевалось составить для рекрутских присутствий и воинских приемщиков подробное наставление, в котором «особенно объяснить им о допускаемых в рекрутах недостатках, разослать оное повсеместно».

В фонде Курского губернского правления сохранилось «Наставление рекрутским присутствиям и командирам губернских гарнизонных батальонов на прием рекрут, определенных Высочайшим Манифестом 4 августа 1812 года». Как отмечается в документе, «...по уважению частовременных наборов и других многих повинностей, необходимостью военных обстоятельств налагаемых, и усердно отправляемых всеми обществами и разными состояниями, признано нужным изыскать все средства к важному облегчению настоящего набора», вследствие чего вводились исключительные правила, допускавшие к приему в рекруты людей, имеющих физические недостатки, не являющиеся препятствием для движения строевым маршем, ношения снаряжения, владения оружием¹⁴.

Каждый рекрут должен был иметь полное обмундирование, в комплект которого входили: «кафтан солдатского покроя с обтяжными пуговицами и стоячим воротником; панталоны суконные на холщевой подкладке; суконный галстук с мантикой; суконный ранец для поклажи рекрутского багажа; фуражка; одна пара новых сапог твердой кожи, с подвертками летними и зимними; одна пара рукавиц; две рубахи и двое портков; шинель такого же сукна, как и кафтан. Что принадлежит до цвета сукну, то он может быть серый, белый, а в случае недостатка даже и черный».

Ответственность за своевременное изготовление форменной одежды возлагалась на губернаторов. При недостатке портных в гарнизонных батальонах, постановлением Правительствующего Сената разрешалось нанимать портных, устанавливая цену за шитье в Рекрутском присутствии. Обеспечением рекрутской одеждой могли заниматься и «отдатчики», если они сами на то будут согласны. Батальонным командирам строжайше запрещалось продавать рекрутскую одежду, «или входить в торг оною, под какими бы то ни было предлогами».

Батальонные командиры обязаны были принимать все меры для оперативного отправления рекрутских партий к местам назначения. Как только формировались команды численностью от 300 до 500 человек, для такой партии снаряжался конвой и назначался партионный офицер, в Казенную палату представлялся рапорт о назначении ему кормовых и прогонных денег. На партию, состоящую из 300 рекрут, определялся в конвой один партионный офицер, два унтер-офицера и 20 рядовых.

Значительных материальных затрат требовало обеспечение новобранцев в период сбора и в пути следования к месту службы. На продовольственное обслуживание защитников Отечества, их расквартирование и другие потребности

выделялись казенные средства. Так, в журналах заседаний казенной палаты за май — август 1812 г. содержится информация об указаниях уездным казначеям в связи с объявленным рекрутским набором, «...чтобы они непременно через три дня по получении указов доставили к уездным дворянским предводителям самовернейшие ведомости о числе помещичьих душ по селениям ведомства, каждого в оклад по сей 6-й ревизии состоящих»¹⁵.

В журналах и определениях за январь—апрель 1813 г. имеется информация о принятии мер «для лучшего сбережения рекрут... при проводе их с мест сбора до квартир резервной армии». Согласно указу императора от 10 февраля 1813 г., рекрутам определялась три раза в неделю винная порция (по одной чарке), а ответственность за непременное употребление рекрутами винной порции возлагалась на офицеров, сопровождавших их. Кроме того, указом предусматривалось, чтобы в рацион питания рекрутов обязательно входили мясо или рыба. Средства на эти цели выплачивались Курской казенной палатой на основании табеля, списков и росписи маршрутов движения рекрутских партий¹⁶.

В фондах Российского государственного военно-исторического архива отложились документы, указывающие на то, что осенью 1812 г. Курская губерния должна была стать одним из центральных узлов снабжения действующей армии. Так, в письме М.И. Кутузова, направленном 21 ноября на имя военного министра А.И. Горчакова, отмечалось: «Во время пребывания армии в районе Смоленска и Москвы и при настоящем движении её для преследования бегущего неприятеля, продовольствие людям и лошадям доставлялось и доставляется наиболее из добровольного пожертвования дворянских сословий и вообще жителей: Тульской, Калужской, Тверской, частично Орловской и других ближайших к расположению армии внутренних российских губерний. Теперь, когда армия удаляется от пределов сих губерний, и когда потому доставление из оных продовольствия делается только затруднительным, но и вовсе почти невозможным, я, изыскивая способы, коими бы можно обеспечить содержание армий в оных местностях, куда отсель по обстоятельствам должно будет иметь направление. Похоже, по всем соображениям ближайшим и сподручнейшим, иметь готовый запас провианта, овса и для порции людям вина, в Курской и в обеих малороссийских — Черниговской и Полтавской губерниях. Определяя меру сего запаса, я полагаю необходимым, чтобы во всех оных губерниях собрано было с каждой ревизской платящей подати души: сухарей по одному пуду, круп и овса по шести гарнцов, а вина, непосредственно с тех лиц, кои пользуются правом винокурения, в каждой губернии по семидесяти пяти тысяч вёдер. А потому, возложить исполнение сего моего Положения на особенное попечении господ гражданских губернаторов и предводителей дворянства Курской, Черниговской и Полтавской губерний, сообщил настоящее тамошним господам гражданским губернаторам, дабы они каждой поверенной ему губернии, учинили как наискорее зависящее на сей предмет с их стороны распоряжение, с тем, чтобы коль скоро потребуетя доставление назначенных в сбор сухарей, круп, овса и вина к армии, на сие продовольствие, было всё то в своевременной готовности.

На первый раз пункты своза провианта, овса, и вина, назначены мною по уездным городам и в других, по собственному господ гражданских губернаторов усмотрению, удобных для складки и центральных по уездам местностям, а куда от толь далее должно будет доставляться, о сем по данному от меня предписанию будет уведомлять губернаторов главноуправляющий по части продовольствия армии господин сенатор Ланской»¹⁷. Но уже в письме к военному министру, датированном 1 декабря 1812 г., М.И. Кутузов сообщал: «Подвигаясь ныне с армией к Литве, я нашел необходимым назначить подобный сбор в этой же самой мере и на таком же основании с Волынской губернии»¹⁸.

В ноябре 1812 г., по указанию М.И. Кутузова, с Курской губернии потребовалось собрать подводы и погонщиков для перевозки из города Трубчевска Орловской губернии заготовленных для армии запасов. 7 ноября собрание, состоявшее из губернского и уездных предводителей дворянства, постановило для выполнения этого поручения избрать ответственными чиновниками тимского помещика Д.Н. Дятлова, льговского помещика майора В.И. Тютчева и фатежского — Н.А. Спешнева.

После этого состоялись уездные дворянские собрания, определившие наряд на подводы, лошадей и погонщиков, которые необходимо было представить помещикам каждого уезда. В конце ноября установленное количество подвод, возчиков и лошадей было собрано курянами. 30 ноября Д.Н. Дятлов уведомил губернского предводителя дворянства о предстоящем отправлении обоза для выполнения указанного задания. Всего от Курской губернии было выставлено 12 076 подвод.

На выполнение операции по перевозке продовольствия и фуража из Трубчевска потребовалось два месяца. Вскоре перед курским обозом была поставлена новая задача. О ней гражданский губернатор А.И. Нелидов известил губернского предводителя дворянства П.А. Гасвицкого: «Из уведомлений Вам господ уездных предводителей дворянства, производящих отправление провианта и фуража в Минск, известно Вам, что отправление последних транспортов оканчивается. В связи с чем, прошу Вас как наипоспешнее распорядиться транспортированием и отправлением подвод, нужных для поднятия и доставления в назначенные пункты выпеченных из муки Трубчевских запасов сухарей, коих половина возложена... на Курскую губернию. Всех же сухарей, долженствующих подняться на подводах сей губернии, приготовлено 200 944 пуда 23 фунта 13 золотников, по каковому числу поднятия тяжести, должно быть произведено и отправление нужных для того подвод»¹⁹.

В соответствии с требованием Главнокомандующего, курское дворянство выполнило перевозку сухарей из города Севска Орловской губернии в местечко Новую Белицу (пригород Гомеля) Могилевской губернии, пользуясь выделенными для этой цели обозами, под наблюдением избранных дворянских чиновников. Эта операция была завершена в августе 1813 года.

В целом, от дворянства Курской губернии для приобретения 1500 голов волов и фур требовалось собрать 150 000 рублей. Курянами было собрано 177 469 руб., из которых израсходовано — 165 656, а 11 813 руб. было передано

в Курский приказ общественного призрения. Те из помещиков, кто не мог явиться на собрание лично, в письмах изъявляли желание жертвовать «то, что по времени признавалось необходимым». Так, например, помещица Фекла фон-Линденер писала: «По причине слабости здоровья в собрании быть не могу, но, желая исполнить в защиту Отечества с верою в душе моей, прошу вас уверить благородное общество, не откажусь от того, что оно положит». Помещик Суковкин писал: «Всякое положение, постановленное в собрании господами дворянами, я с искренним моим усердием приемлю, дабы я мог показать самим делом, что я есть верный сын Отечества»²⁰.

Курское дворянство оказывало помощь землякам, пожелавшим поступить на службу в действующую армию, но нуждавшимся в материальных средствах. Все уездные дворянские собрания приняли соответствующие решения в августе 1812 года. Например, «Рыльское благородное сословие в своем собрании для вспомоществования изъявившим желание дворянам поступить в армейские полки, на защиту Отечества, не имеющим средств на проезд их и содержание, согласилось дать с каждой души 10 коп. из собственных своих доходов».

После оставления Наполеоном Москвы и бегства остатков французской армии из России, ввиду продолжения похода русских войск за границу империи, формировались новые военные части для службы внутри государства. Для этих частей необходимы были офицеры, в связи с чем, в конце 1812 — начале 1813 г. дворянам, не занятым службой, предлагалось поступить во вновь формируемые войска.

По предписанию, поступившему из столицы, курскому губернатору поручалось призывать дворян к записи в части 3-го округа внутреннего ополчения. А.И. Нелидов обратился за содействием к губернскому предводителю дворянства. П.А. Гасвицкий, в свою очередь, передал просьбу губернатора уездным предводителям, после чего от дворян стали поступать отзывы на предложение вступить в ополчение и вновь формируемые полки. В Щигровском уезде изъявили желание поступить на службу 179 человек, в их числе полковники Александр Рахманов и Петр Скрыплев, премьер-майор Александр Ханьков, капитан флота Петр Монахов, другие военные и гражданские чиновники, юнкера, унтер-офицеры, капралы. Многие из них просили материальной помощи со стороны дворянства. Поступавшим на службу выделялась лошадь и денежное пособие в 50 рублей из собранного дворянами капитала.

Всего за период Отечественной войны куряне собрали пожертвований для армии почти 2 млн руб. (по всей России было собрано 57 млн). Основная сумма пожертвований приходится на 1812 г. — 430 44 руб. 24 коп. В 1813 г. было собрано 1796 руб., а в 1814 г. — 10 814 руб. 87 коп. Куряне жертвовали золото, серебро, деньги, драгоценные вещи²¹.

Куряне передали армии перевязочные материалы, полушубки, продовольствие. Указание о сборе овчины для нужд армии было дано еще в сентябре 1812 г. в письме графа А.А. Аракчеева военному министру А.И. Горчакову: «На случай, ежели армия должна будет продолжать военные действия в зимнее время, нужно снабдить солдат овчинными шубами, а потому заготовление

овчины предполагается сделать в губерниях Воронежской, Курской, Екатеринославской, Харьковской и Тамбовской...»²². М.И. Кутузов в письме от 3 ноября 1812 г. лично ходатайствовал перед военным министром о том, чтобы курский городской голова В.А. Гладков и мещанин Н.И. Сибилев получили награды за помощь, оказанную армии: «Градские главы... особенно курской, доставляют к армии в значущем числе необходимо нужные для рядовых ныне при армии употребляемые полушубки и к пользованию раненых корпию, ...оказывают всевозможную готовность во всех отношениях с пожертвованием собственности умерять разного рода недостатки армии. Я в приятной долг вмещаю означенных глав и курского мещанина Никиту Сибилева, употребляемого к доставлению полушубков и корпии и находящегося большею частию при армии от общества для извещения их о всех потребностях, поруча покровительству вашего сиятельства, покорнейше просить в награду ревности их исходатайствовать им у его императорского величества пожалования медалями, для сословия их установленными»²³. В.А. Гладкову была вручена золотая медаль на андреевской ленте с надписью «За усердие», а Н.И. Сибилев получил серебряную медаль.

Мужество и героизм проявили куряне и на полях сражений. Рядовые представлялись только к личной благодарности царя, объявлявшейся перед строем. В наградном списке отмечались рядовые Евсей Кучма, Семен Климов, Яков Белоусов, Сергей Григорьев, Иван Коваленко, Козьма Фомин, которые «были ранены пулями, но поле побоища не оставили».

Отвагой в боях с противником отличились солдаты Курского внутреннего гарнизона. Федор Кузьмич Чаплыгин (из однодворцев д. Ольховатой Обоянского уезда Курской губернии) участвовал во многих боях с начала войны, вплоть до вступления наших войск в пределы Польши и Пруссии. Крепостной графа Головкина из села Долгие Буды Обоянского уезда Софрон Калашников был участником таких решающих сражений, как Бородинское, у села Тарутина, у Малоярославца. Он был тяжело ранен, но после выздоровления вернулся в армию, участвовал в заграничных походах²⁴.

Архивные документы хранят память о подвигах на полях сражений представителей курского дворянства. Приведем имена отдельных героев. Подполковник Волинского пехотного полка Николай Андреевич Курносков, во время сражения, командуя батальонами, подавал пример личной храбрости и тем содействовал успешному отражению неприятеля. Был ранен в правую ногу пулей. Награжден за Бородино орденом Святой Анны 2 класса²⁵. Подпоручик Ширванского пехотного полка Антон Тимофеевич Терлецкий. Принимал участие в сражениях: Смоленском, Бородинском, при Малоярославце, Красном²⁶. Корнет Орденского Кирасирского полка Александр Онуфриевич Решетинский «26 августа при атаке на неприятельскую кавалерию, командуя взводом, отличил себя храбростью», за что был награжден золотой шпагой²⁷.

Прапорщик Федор Алексеевич Бурнашев во время Бородинского сражения использовался в качестве адъютанта, посылался в самые опасные места, ранен в руку. Рапорт о награждении его знаком отличия Военного ордена был подан генерал-лейтенантом Д.В. Голицыным начальнику Главного штаба П.М. Вол-

конскому 21 мая 1813 года.²⁸ Капитан гвардейской легкой роты Алексей Александрович Вельяминов отличился при Бородино. Командуя ротой, получил ранение в ногу. Награжден орденом Святого Владимира 4-й степени²⁹.

Поручик Лейб-Гренадерского полка Иона Андреевич Щекин отличился при Бородино: «При самой сильной канонаде посылался неоднократно с разными поручениями к стрелкам, кои исполнял с поспешностью и мужеством, презирая все опасности». Награжден орденом Святой Анны 4 класса³⁰.

Командир Черниговского пехотного полка, подполковник Иван Михайлович Ушаков отличился в сражении при Бородино. Его полк захватил укрепленную высоту, ранее оставленную войсками Багратиона, за что офицер был представлен к ордену Святого Георгия 4 степени. Полковник Ушаков получил тяжелые ранения ядром в ногу и пулевое в челюсть. Он был доставлен в госпиталь, где ему отняли ногу ниже колена...³¹

Современные краеведческие издания, посвященные истории отдельных районов Курской области, содержат имена многих земляков, отличившихся в Отечественной войне 1812 года³². К сожалению, авторы подобных работ не раскрывают источники приводимой информации, в связи с чем, снижается ее научная ценность. Тем не менее, краеведческий материал о героизме представителей разных поколений курян в деле защиты Отечества, является уникальным средством патриотического воспитания молодежи. Проводимый же в регионе комплекс мероприятий, посвященных 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 года, в подготовке которых принимают участие музейные работники, архивисты, ученые, хочется надеяться, позволит восполнить пробелы и внести необходимые уточнения в военную историю края.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

¹ *Полевой Н.А.* Воспоминания о происшествиях, бывших в Курске в 1812 году // Отечественные записки. — Ч. 9. — 1822. — С. 410–411.

² Там же. — С. 414.

³ *Раевский Ф.* Благодетельный помещик // Отечественные записки. — Ч. 12. — 1822. — С. 109–110.

⁴ *Танков А.А.* «Год священной памяти» (Из истории Курского края во время Отечественной войны) // Курский сборник. — Вып. VII. — Курск, 1912. — С. 1–24.

⁵ Там же. — С. 12.

⁶ Там же. — С. 3–4.

⁷ Там же. — С. 5.

⁸ Государственный архив Курской области (ГАКО), ф. 33, оп. 2, д. 567.

⁹ Там же, ф. 33, оп. 2, д. 567, л. 3.

¹⁰ Там же, л. 5-об.

¹¹ Там же, л. 16.

¹² Там же, л. 29–31.

¹³ Там же, л. 37–38.

¹⁴ Там же, л. 21–23.

- ¹⁵ Там же, ф. 184, оп. 1, д. 494, л. 958–959.
- ¹⁶ Там же, ф. 184, оп. 1, д. 496, л. 197–197-об.
- ¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 846, оп. 16, т. 1, д. 3451, л. 1–2.
- ¹⁸ Там же, л. 3.
- ¹⁹ *Танков А.А.* Указ. соч. — С. 7.
- ²⁰ Там же. — С. 8.
- ²¹ М.И. Кутузов. Сб. документов. — Т. IV. — Ч. II. — М., 1955. — С. 696.
- ²² РГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 2, д. 2738, л. 2.
- ²³ Там же, л. 13.
- ²⁴ ГАКО, ф. 33, оп. 1, д. 967, л. 232-об.–233, 247-об.–248, 250-об.–251.
- ²⁵ РГВИА, ф. 29, оп. 153-г, д. 13, л. 383-об.–384.
- ²⁶ Там же, ф. 14414, оп. 2, д. 65, л. 87–88.
- ²⁷ Там же, ф. 29, оп. 153-г, д. 13, л. 287-об.–288.
- ²⁸ Там же, ф. 103, оп. 208-а, д. 2. Ч. 2, л. 308–308-об.; ф. 14414, оп. 2, д. 64, л. 205–206.
- ²⁹ Там же, ф. 29, оп. 153-г, д. 13, л. 270-об.–271; ф. 103, оп. 208-а, д. 46, л. 91-об.; ф. 474, оп. 1, д. 99, л. 16.
- ³⁰ РГВИА, ф. 29, оп. 153-г, д. 13, л. 337-об.–338.
- ³¹ Там же, св. 1, д. 1. Ч. 4, л. 37.
- ³² См., напр.: *Немцев Н.А.* Земля кшенская. Очерки по истории Советского района Курской области. — Курск, 2003. — С. 16–17; *Бирюков А.Ю.* Фатежский край: Прошлое и настоящее (историко-краеведческий сборник). — Фатеж, 2007. — С. 18–23.

Стаття надійшла до редколегії 21.11.2012.